

·the big book·

Книги
Джулиана Феллоуза

Белгравия

Снобы

ДЖУЛИАН ФЕЛЛОУЗ

Снобы

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Ф 37

Julian Fellowes
SNOBS

Copyright © 2004 Julian Fellowes
The right of Julian Fellowes to be identified as the author of
this work has been asserted by him in accordance with the
Copyright, Designs and Patents Act 1988.
All rights reserved
First published in 2004 by Orion, London

Перевод с английского Полины Щербатюк

Оформление обложки Виктории Манацковой

Феллоуз Дж.

Ф 37 Снобы : роман / Джулиан Феллоуз ; пер. с англ.
П. Щербатюк. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. —
416 с. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-13363-1

Эдит Лавери, красивая блондинка с большими глазами и приятными манерами, вместе с друзьями отправляется на экскурсию в Бротон-Хаус. Здесь она встречает Чарльза, графа Бротона, которого считают самым завидным женихом. Чарльз влюбляется в Эдит и делает ей предложение. Девушка соглашается. Но действительно ли она любит Чарльза? Или его титул, его положение в обществе и все, что с ним связано? Эдит старательно играет роль графини Бротон, но очень скоро размеренная жизнь аристократического дома начинает казаться ей нестерпимо скучной. А тут неожиданно в поместье начинают снимать телевизионный сериал, и она обращает внимание на красивого и вроде бы успешного актера, который гораздо ближе ей по духу и положению...

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-13363-1

© П. Щербатюк, перевод, 2017
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2017
Издательство АЗБУКА®

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Impetuoso - Fiero

Глава первая

Не знаю, как вышло, что Изабел Истон свела знакомство с Эдит Лавери. Вероятно, у них был общий знакомый или они вместе заседали в каком-нибудь благотворительном обществе, а может быть, просто ходили в одну парикмахерскую. Но я помню, что довольно давно, буквально с самого начала, по какой-то причине Изабел решила, что Эдит — это такая немного необычная особа, обществом которой можно гордиться и понемногу угощать ею своих соседей из ближних поместий. Последующие события, конечно, подтвердили ее правоту, но когда я впервые встретил Эдит, ничто не предвещало ее большого будущего. Эдит, вне сомнения, уже тогда была весьма привлекательна, но все же не настолько, насколько она стала хороша позже, когда, как говорят модельеры, нашла свой стиль. Она была превосходным образчиком своего типа: светловолосая англичанка с приятными манерами.

Я знал Изабел Истон с раннего детства, мы вместе росли в Гемпшире и с тех пор поддерживали ту уютную нетребовательную дружбу, основу которой может составить только давнее знакомство. У нас было очень мало общего, но мы по пальцам могли сосчитать людей, которые помнили нас, когда нам было лет по девять и мы еще катались на пони, а потому время от времени нам прият-

но было встретиться. После университета я стал актером, а Изабел вышла замуж за биржевого брокера и переехала в Суссекс, так что наши пути редко пересекались. Мы жили в разных мирах, но Изабел льстило то, что к ней иногда заезжает на пару дней актер, которого показывают по телевизору (хотя так уж сложилось, что никто из ее друзей фильмов с моим участием не видел), а что до меня, то мне иной раз было приятно провести выходные с подругой детских игр.

Я оказался в Суссексе и в тот раз, когда Эдит впервые приехала к ним погостить, и могу свидетельствовать, что Изабел с большим энтузиазмом встречала свою новую подругу, пусть даже некоторые из наименее великодушных ее знакомых и отрицали это впоследствии. И радость ее была неподдельной: «Эту девушку ждет необычное будущее. В ней что-то есть». Изабел любила выражаться так, будто ей доступно некое тайное знание устройства мира. Я вспомнил эту ее фразу полчаса спустя, когда Эдит выходила из машины. Казалось, миловидная внешность и мягкое обаяние — это все, что у нее есть, но я склонен был согласиться с нашей хозяйкой. Если сейчас оглянуться назад и задуматься, то некий намек на то, что должно было вскоре произойти, можно было усмотреть в форме ее губ. Рот Эдит был безукоризненно правильный — четко очерченные, скульптурно вылепленные губы, напоминающие о кинозвездах сороковых годов. И еще — ее кожа. Англичане, как правило, вспоминают о коже в тех случаях, когда уже совершенно нечего больше похвалить. О хорошем цвете лица зачастую подолгу разглагольствуют, к примеру, когда речь заходит о тех членах королевской семьи, кому менее прочих повезло с внешностью. Что бы там ни говорили, у Эдит был самый восхитительный цвет лица, какой мне доводилось видеть:

прохладные, чистые, пастельные тона словно под тонким и безупречно гладким слоем воска. Всю жизнь я питал слабость к красивым людям, и мне кажется, я стал на сторону Эдит в тот самый миг, когда впервые залюбовался ее лицом. В любом случае Изабел суждено было стать одним из тех пророков, что сами претворяют в жизнь собственные предсказания, потому что именно она отвезла Эдит в Бротон.

Бротон-Холл, да-да, тот самый дом Бротонов, был той незаживающей раной, что отравляла жизнь Истонов в Суссексе. Сперва бароны, затем — графы Бротоны, а позже, с 1879 года, — маркизы Акфилдские. Бротоны царили в этой части Восточного Суссекса намного дольше, чем большинство знатных фамилий ближайших к Лондону графств. Еще лет сто назад их соседи и вассалы, скромные фермеры, кое-как перебивались скудными плодами равнинной и болотистой земли у подножия холмов, но автомобильные и железные дороги, а также появление возможности работать в городе, а выходные проводить за городом привели сюда толпы нуворишей, и, как Байрон в свое время, Бротоны однажды утром проснулись знаменитыми. И очень скоро, для того чтобы принадлежать к высшему свету, той или иной семье просто необходимо было значиться в списке гостей Бротон-Холла. По совести говоря, эта семья не искала известности, по крайней мере сначала, но, будучи самыми заметными аристократами в этой стремительно богатеей местности, они не могли уйти от своей судьбы.

Им повезло не только в этом. Два брачных союза — один с дочерью банкира, другой с наследницей значительной части Сан-Франциско — помогли семейному кораблю Бротонов пересечь бурное море сельскохозяйственной депрессии и Первой мировой войны. В отличие

от многих подобных родов, они почти полностью сохранили свою лондонскую недвижимость, а разнообразные манипуляции с собственностью в шестидесятые вынесли их к сравнительно безопасным берегам тэтчеровской Британии. Затем, когда социалисты и вправду начали пересматривать свои взгляды, они, к счастью для всех представителей высших классов, получили новое рождение и стали Новыми лейбористами, оказавшись значительно сговорчивее своих алчных политических предшественников. В общем, Бротоны представляли собой живой пример уцелевшей английской аристократической семьи. Они достигли 1990-х, практически не утратив ни престижа, ни — что еще важнее — своих владений.

Не то чтобы Истонам претило богатство или знатность Бротонов, напротив, они боготворили своих родовитых соседей. Нет, вся беда была в том, что хотя они и жили всего в двух милях от Бротон-Холла и сколько бы Изабел ни говорила подружкам за ланчем на Уолтон-стрит, как им повезло — живут буквально по соседству, но за три с половиной года Истонам так и не удалось ни ступить на эту благословенную землю, ни познакомиться с кем-нибудь из членов семейства.

Конечно, Дэвид Истон не первый представитель верхушки среднего класса, обнаруживший, что в Лондоне поддерживать иллюзию аристократического происхождения значительно проще, чем среди жителей сельских поместий. Беда была в том, что, много лет обедая в клубе «Брукс», проводя вечера в «Аннабелс», посещая скачки по субботам и во всеуслышание заявляя о своем неприятии современного, «мобильного» общества, он совершенно упустил из виду, что и сам является плодом

этого общества. Такое впечатление, будто он забыл о том, что его отец был управляющим на небольшой мебельной фабрике где-то в центральных графствах и родителям не без труда далось его обучение в Ардингли¹. Ко времени нашего знакомства, мне кажется, он бы искренне удивился, если бы не нашел своего имени в «Дебретте»². Как-то мне на глаза попала статья, в которой Родди Ллевелин жаловался на то, что ему не довелось учиться в Итоне (в отличие от его старшего брата), а ведь именно в Итоне человек находит себе друзей на всю жизнь. В этот момент мимо моего кресла проходил Дэвид. «Очень верно, — сказал он. — Не могу не согласиться». Я оглянулся, чтобы перехватить взгляд Изабел, но по тому, с каким сочувствием она кивнула, понял, что она не разделяет моей иронии и полностью поддерживает мужа.

Со стороны порой кажется, что для брака жизненно важно, чтобы супруги разделяли иллюзии друг друга. Обычно Дэвиду ничего не грозило благодаря удачному сочетанию доброты Изабел и безразличия лондонских салонных львиц, которым все равно, о чем говорят их гости, лишь бы они были в состоянии поглощать выставленную на стол еду и поддерживать беседу. Однако ему бывало по-настоящему мучительно больно, когда на званом ужине его начинали расспрашивать о последнем путешествии Чарльза Бротона в Италию или о том, удастся ли новому мужу Кэролайн прижиться в семье, а Дэвиду в ответ приходится бормотать, что он с Бротонами не слишком близко знаком.

— Удивительно, просто невероятно, — немедленно следовал ответ. — А мне казалось, вы соседи.

¹ Привилегированная частная средняя школа. — *Здесь и далее примеч. перев.*

² Ежегодный справочник дворянства, издается с 1802 года.

Но, даже утверждая, что не слишком близко знаком с Бротонами, Дэвид кривил душой. Он был с ними совсем незнаком.

Однажды, на коктейле на Итон-сквер, он высказался об этом семействе, а в ответ услышал:

— Смотрите, вон там — это же Чарльз! Вы просто обязаны меня ему представить. Посмотрим, вспомнит ли он, где мы встречались в прошлый раз.

И Дэвиду пришлось сказать, что ему нехорошо (что более-менее соответствовало истине), поехать домой и пропустить блестящий ужин, на который компания отправлялась в полном составе. В последнее время у него вошло в привычку принимать этакий слегка пренебрежительный вид, когда речь заходила о Бротонах. Он не участвовал в беседе, и его молчание было громче любых слов, как будто именно он, Дэвид Истон, предпочел бы не заводить знакомства с этой семьей. Будто он уже пробовал их и они пришлись ему не по вкусу. Хотя в действительности все обстояло ровно наоборот. Отдавая Дэвиду должное, я обязан сказать, что все эти неутоленные светские амбиции оставались для его сознания такой же тайной, какой они должны были оставаться для нас. Или, по крайней мере, мне так казалось, когда я наблюдал, как он застегивает свое пальто из «Бабур» и свистом подзывает собак.

А потому неудивительно, что только Эдит могла предложить съездить в Бротон-Холл. Изабел спросила нас за завтраком в субботу, чем бы мы хотели заняться, а Эдит поинтересовалась в ответ, нет ли поблизости какой-нибудь местной «величественной твердыни», а если есть, то, может быть, туда и съездить? Она посмотрела на меня.

— Я не против, — отозвался я.

Я заметил, как Изабел бросила взгляд на Дэвида, с головой ушедшего в «Телеграф» на том конце стола. Я знал о ситуации с Бротонами, и Изабел знала, что я знаю, хотя, будучи англичанами, мы, естественно, никогда это не обсуждали. Так уж вышло, что я пару раз встречал Чарльза Бротона, не блещущего сообразительностью увальня, в Лондоне, на этих чудовищных вечерах, где шоу-бизнес и общество сходятся, но, как это случается при слиянии двух рек, редко смешиваются. Это мимолетное знакомство я держал в тайне от Изабел, не желая сыпать ей соль на рану.

— Дэвид? — произнесла она.

Он перевернул страницу широким, исполненным безразличия жестом:

— Езжайте, если хотите. Мне еще надо в Льюис. Саттон опять потерял крышку от бензобака газонокосилки. Ест он их, что ли.

— Я могу заняться этим в понедельник.

— Не стоит. Мне все равно нужно еще пару картриджей. — Он посмотрел на нее. — Нет, правда, ты поезжай.

В его взгляде читался упрек, Изабел в ответ состроила такую мину, будто ей выкручивают руки. А дело было в том, что между ними существовало молчаливое соглашение не появляться в этом доме в качестве обыкновенного посетителя с билетами в руках. Сперва Дэвид избегал этого, потому что рассчитывал вскорости узнать семейство поближе и ему не хотелось рисковать, — первая встреча ни в коем случае не должна была произойти при неудачных обстоятельствах. Но проходили месяцы, годы, и непосещение этого дома постепенно стало чем-то вроде принципа, как будто Дэвид не хотел давать Бротонам возможности злорадствовать, увидев, как он платит немалые деньги за то, что по праву причитается ему бес-

платно. Но Изабел была прагматичнее мужа — женщины вообще прагматичнее мужчин, — и она постепенно сжилась с мыслью, что им предстоит занять подобающее место в этих краях с некоторым запозданием. И теперь ей было просто любопытно своими глазами увидеть владения, ставшие символом непрочности их собственного положения в обществе. Особенно уговаривать ее не пришлось. Втроем мы погрузились в «рено» не первой молодости и отправились в путь.

Я спросил Эдит, много ли она знает о Суссексе.

— Не очень. У меня одно время был друг в Чичестере.

— Это модный уголок.

— Правда? Я не знала, что у графств одни уголки моднее других. В этом есть что-то американское. Как хорошие и плохие столики в ресторане.

— Вы знаете Америку?

— Я прожила несколько месяцев в Лос-Анджелесе после школы.

— Зачем?

Эдит рассмеялась:

— Почему бы и нет? Зачем люди едут куда-то в семнадцать лет?

— Я не знаю, зачем ехать в Лос-Анджелес. Чтобы стать кинозвездой разве что.

— А может, я и хотела стать кинозвездой. — Она улыbnулась мне с едва уловимой грустью (позже я понял, что это очень характерное выражение ее лица), и я заметил, что глаза у нее не голубые, а скорее дымчато-серые.

Мы свернули на широкую, усыпанную гравием дорожку, проехав между двумя каменными колоннами, увенчанными свинцовыми оленьими головами — с рогами, все как полагается. Изабел остановила машину.

— Потрясающе, не правда ли! — сказала она.

Перед нами возникли внушительные стены Бротон-Холла. Эдит восхищенно улыбнулась, и мы поехали дальше. Она не сочла дом изумительным, да и я тоже, хотя в своем роде он производил впечатление. В любом случае он был очень большой. Казалось, его спроектировал предшественник Альберта Шпеера, родом из XVIII века. Основную часть здания, гигантский гранитный куб, соединяли с двумя кубами поменьше приземистые и громоздкие колоннады. К сожалению, кто-то из Бротонов в XIX веке окна с частыми переплетами заменил на большие окна с зеркальными стеклами, и теперь дом слепо смотрел на парк. По углам дома высились четыре купола, как наблюдательные вышки в концентрационном лагере. В целом здание не столько дополняло вид, сколько загромождало его.

Машина остановилась, довольно хрустнув гравием.

— С чего начнем, с дома или с сада? — Изабел, как советский военный инспектор, попавший на военную базу НАТО в разгар холодной войны, была намерена ничего не упустить.

Эдит пожала плечами:

— А в доме есть на что смотреть?

— Непременно, — твердо отозвалась Изабел и уверенно направилась к входу, и мы покорно последовали за ней.

Массивная, изогнутая подковой гранитная лестница вела в парадные помещения.

Одной из любимейших историй Эдит навсегда останется рассказ о том, как она впервые попала в Бротон, купив входной билет, и от личной жизни обитателей ее отделял красный канат на металлических стойках.

— Хотя, — добавляла она со своей забавной усмешкой, — личной жизнью этот дом никогда не был особенно богат.

Бывают на свете дома, настолько полные духом личности того, кто их построил, и всепроникающим запахом жизней, прошедших в этих стенах, что посетитель чувствует себя то ли взломщиком, то ли призраком, исподтишка наблюдающим за жизнью обитателей, выпытывающим их секреты. Бротон не принадлежал к этому типу. От фундамента до каминной решетки и конька крыши он был создан с одной лишь целью: производить впечатление на посторонних. И надо сказать, к концу XX века его роль совсем не изменилась. Единственная разница состояла в том, что теперь посторонние покупали билеты, вместо того чтобы подкупать экономку.

Однако современному посетителю великолепие парадных залов открывается не сразу, и холодная, сырая комната, куда мы вошли (позже мы узнали, что она зовется Нижний холл), показалась нам не уютнее пустого стадиона. Жесткие даже на вид стулья для лакеев выстроились вдоль стен, вызывая в воображении бесконечные часы ожидания, проведенные на этих стульях и наполненные неизбывной скукой. Пол был выложен стертymi каменными плитами, а посередине комнаты находился длинный черный стол. Кроме четырех грязных видов Венеции в стиле Каналетто, только похуже, на стенах больше ничего не было. Как и все остальные помещения в Бротоне, эта комната была совершенно немислимых размеров, и мы трое чувствовали себя просителями.

Из Нижнего холла, сжимая в руках путеvodителя, мы поднялись по парадной лестнице, резные дубовые пролеты которой неуклюже карабкались вверх, обогнули тяжеловесную, немного депрессивную бронзовую стацию

умирающего раба, затем пересекли широкую верхнюю площадку и попали сначала в Мраморный зал, огромное помещение высотой в два этажа, окруженное с четырех сторон галереями. Если бы мы поднялись по внешней подковообразной лестнице, то сразу попали бы в этот зал, подавляющий своим величием. Оттуда мы прошли в Красную гостиную, еще одну огромную комнату, — здесь стены были оклеены тиснеными малиновыми обоями, а потолок украшала тяжелая красно-коричневая лепнина, оттененная золотом.

— Чур, мне тикку из цыпленка! — воскликнула Эдит.

Я рассмеялся. Она была права: комната очень походила на гигантский индийский ресторан.

Изабел открыла путеводитель и начала читать вслух тоном учительницы географии:

— «Обои, украшающие стены Красной гостиной, сохранились со времен постройки, этим интерьером Бротон-Холл гордится по праву. Позолоченные пристенные столики созданы Уильямом Кентом специально для этого помещения в тысяча семьсот тридцать девятом году. Морские мотивы в украшенных резьбой трюмо посвящены назначению третьего графа Бротона в британское посольство в Португалии в тысяча семьсот тридцать седьмом году. В память об этом графе в гостиной, которую он считал своей любимой комнатой, находится его парадный портрет кисти Джарвиса, рядом с портретом его жены кисти Хадсона, картины расположены по обеим сторонам итальянского камина».

Мы с Эдит рассматривали картины. Портрету леди Бротон автор попытался придать некоторую живость, поместив молодую даму с тяжелыми чертами лица и крупными руками, держащими летнюю шляпу с широкими полями, на цветущий луг.

— К нам в спортзал ходит точно такая же женщина, — сказала Эдит. — Она постоянно пытается продать мне лотерейные билеты консерваторов.

Изабел продолжала бубнить:

— «Шкаф у южной стены — работы Буля, он был получен в подарок от Мари-Жозеф де Сакс, дофины Франции, для невесты пятого графа Бротона по случаю свадьбы. В простенке между окнами...»

Я подошел к упомянутым окнам и взглянул на парк. Стоял один из тех знойных, тяжелых августовских дней, когда деревья будто изнывают под гнетом листвы и сплошная зелень сельского пейзажа кажется давящей и душной. Пока я смотрел, из-за угла дома вышел мужчина. Несмотря на жару, на нем были вельветовые брюки, твидовый пиджак и один из тех коричневых фетровых котелков, которые английские сельские джентльмены считают неотразимыми. Он поднял голову, и я узнал его: это был Чарльз Бротон. Он едва бросил взгляд в мою сторону и отвернулся, но потом остановился и снова посмотрел на меня. Я подумал, что он, наверное, вспомнил меня, и поднял руку в знак приветствия, он ответил мне тем же, а затем пошел по своим делам.

— Кто это был? — спросила Эдит. Она стояла позади меня, оставив Изабел наедине с ее молитвами.

— Чарльз Бротон.

— Один из сыновей графа?

— Единственный сын, насколько я знаю.

— Он пригласит нас на чай?

— Не думаю. Он видит меня третий раз в жизни.

Чарльз не пригласил нас на чай, и я уверен, что он и не вспомнил бы обо мне, если бы мы не столкнулись с ним по дороге к машине. Он разговаривал с одним из

многочисленных садовников, работавших в саду, и закончил как раз в тот момент, когда мы проходили через двор.

— Привет, — кивнул он вполне дружелюбно. — Что вы здесь делаете? — Он явно забыл, как меня зовут и, скорее всего, где мы встречались, но держался очень мило и подождал, пока его не представят остальным.

Изабел это неожиданное путешествие в Страну, Где Сбываются Мечты, застигло врасплох, и теперь она лихорадочно подыскивала фразу, которая бы навеки пленила Чарльза своей оригинальностью и привела к незамедлительному зарождению близкой дружбы. Но вдохновение ее не посетило.

— Он остановился у нас. Мы живем в двух милях отсюда, — незамысловато объяснила она.

— Правда? Вы часто бываете в этих краях?

— Мы здесь все время.

— А, — отозвался Чарльз и повернулся к Эдит. — Вы тоже из местных?

Она улыбнулась:

— Не волнуйтесь, меня можно не опасаться. Я живу в Лондоне.

Он рассмеялся, и его дородное открытое лицо на мгновение стало довольно привлекательным. Он снял шляпу и явил нам те самые светлые, как у Руперта Брука, волнистые локоны на затылке, что так характерны для английских аристократов.

— Надеюсь, дом вам понравился.

Эдит улыбнулась и ничего не сказала, предоставив Изабел выкладывать глупые сведения, почерпнутые из путеводителя.

Я, извинившись, вмешался:

— Нам пора. Дэвид будет за нас волноваться.

СНОБЫ

И мы все снова принялись улыбаться и кивать, потом обменялись легкими рукопожатиями и несколько минут спустя уже были в пути.

— Ты не говорил, что знаком с Чарльзом Бртоном, — произнесла Изабел без выражения.

— Я и не знаком.

— Ты не говорил, что встречался с ним.

— Разве?

Хотя, естественно, я прекрасно знал, что не говорил. Остаток пути Изабел вела машину молча. Эдит, сидевшая впереди, обернулась ко мне и скорчила гримасу: опустила уголки рта и поджала губы, будто говоря «ну вот и все, приехали». Было очевидно, что я допустил серьезный промах, и до конца выходных Изабел держалась со мной подчеркнуто холодно.

Глава вторая

Эдит Лавери была дочерью преуспевающего бухгалтера, внука еврейского эмигранта; тот приехал в Англию в 1905 году из России, спасаясь от погромов. Я так и не узнал фамилии ее деда — Леви, наверное, или Левин. Во всяком случае, имя портретиста времен короля Эдуарда, сэра Джона Лавери, вдохновило их сменить фамилию. Когда их спрашивали, состоят ли они с этим художником в родстве, Лавери неизменно отвечали: «Разве что в очень отдаленном», таким образом связывая себя с английской аристократической семьей, но избегая сомнительных притязаний. У англичан так принято — на вопрос, знакомы ли они с такими-то, отвечать: «Да, но вряд ли они меня вспомнят» или «Ну, мы встречались, но я их толком не знаю» — в тех случаях, когда они попросту незнакомы. Все это из-за подсознательного стремления к утешительной иллюзии, что Англия, точнее Англия аристократии и обеспеченной буржуазии, опутана миллионами невидимых шелковых нитей, которые сплетают эти слои в блестящее общество, средоточие высоких должностей, власти и бесконечных родословных, куда остальным путь заказан. При этом они почти не кривят душой, потому что, как правило, хорошо понимают друг друга. Для англичанина определенного воспитания фра-

за «Ну, мы встречались, но я их толком не знаю» означает «Мы незнакомы».

Миссис Лавери, мать Эдит, супруга очень любила, но считала себя птицей совершенно иного полета. Ее отец был полковником в индийской армии, но интересная подробность заключалась в том, что, в свою очередь, его мать была правнучкой банкира-баронета. Миссис Лавери была во многих отношениях очень славной женщиной, но ее снобизм граничил с помешательством, и даже такое смутное родство, как нижайший из возможных рангов наследования, согревало ей сердце ощущением принадлежности к тому кругу избранных, где ее бедный муж навеки обречен быть чужаком. Мистер Лавери не обижался за это на жену. Нисколько. Напротив, он ею гордился. В конце концов, она была статная, красивая женщина, умела одеваться, и если ее притязания и вызывали у него какие-то чувства, то его скорее забавляло, что слова «noblesse oblige»¹ (одно из любимейших выражений миссис Лавери) могут иметь хоть какое-то отношение к его семье.

Они жили в большой квартире в Элм-Парк-Гарденс, которая находилась слишком близко к сомнительной стороне Челси и вообще была миссис Лавери не совсем по вкусу. И все-таки это был не Фулем и даже не Баттерси — эти названия только начали появляться на воображаемой карте миссис Лавери. Как бесстрашному исследователю, все дальше и дальше уходящему от последних оплотов цивилизации, ощущение новизны все еще будоражило её кровь каждый раз, когда ее приглашали на обед семейные дети кого-нибудь из ее друзей. Она во все уши слушала их рассуждения о том, как хорошо, что они

¹ Положение обязывает (*фр.*).

вложили деньги в те или иные бумаги, и как их дети обожают Тутинг, особенно по сравнению с этой убогой квартиркой на Марлоу-роуд. Все это было для миссис Лавери китайской грамотой. Про себя она решила, что выберется из ада, только переправившись через реку, ее личный Стикс, навеки отделивший Низший Мир от Настоящей Жизни.

Лавери не были богаты, но и не бедствовали, а так как у них был только один ребенок, им никогда не приходилось особо экономить. Эдит отправили в модный детский сад, а затем в Бененден («Нет, принцесса здесь совершенно ни при чем. Просто мы перебрали варианты и решили, что это — самое вдохновляющее место»). Миссис Лавери хотелось бы, чтобы ее дочь продолжила обучение в университете, но когда результаты экзаменов Эдит оказались недостаточно хороши, чтобы обеспечить ей поступление в одно из тех заведений, куда им бы хотелось ее отправить, миссис Лавери не была разочарована. У нее был еще один честолюбивый замысел — вывести дочь в свет.

Самой Стелле Лавери не довелось дебютировать. И этого она стыдилась до глубины души. Она старалась скрыть это, не раз вспоминая со смехом, как весело ей жилось в юности, и если от нее настойчиво требовали подробностей, могла со вздохом сказать, что дела ее отца сильно пошатнулись в тридцатые (таким образом связывая себя с обвалом на Уолл-стрит и с героями Скотта Фицджеральда). Или же, перевирая даты, она винила во всем войну. Но действительность, как миссис Лавери приходилось признаваться самой себе в глубине души, состояла в том, что в социально менее гибком мире пятидесятых границы между теми, кто входил в Общество,

и остальными были значительно более четкими. Семья Стеллы Лавери к Обществу не принадлежала. Она завидовала тем своим подругам, которые были представлены друг другу во время своего первого выхода в свет, страстной и тайной завистью, и эта зависть грызла ее нещадно. Она их даже ненавидела за то, что они вели себя так, будто и Хенриетта Тайаркс, и Миранда Смайли жили не только в их, но и в ее воспоминаниях, будто они верили, что и она, Стелла Лавери, была в свое время де-бютанткой, хотя прекрасно знали — и она знала, что они это знают, — де-бютанткой она не была. По этой причине она с самого начала приняла твердое решение, что подобные пробелы не омрачат жизнь ее любимой Эдит. Даже имя было выбрано за легкий отзвук той прежней, неспешной доброй Англии; такое имя могло бы передаваться в семье из поколения в поколение и некогда принадлежать знаменитой красавице эпохи короля Эдуарда. Ничего подобного в действительности не было. В любом случае нужно было с самого начала втолкнуть девушку в этот зачарованный круг. Благодаря тому, что к девятина-дцати годам XX века представление ко двору (что могло бы оказаться проблематичным) уже отошло в прошлое, миссис Лавери оставалось только убедить мужа и дочь, что и время, и деньги будут потрачены не зря.

Долго уговаривать их не пришлось. У Эдит не было четких жизненных планов, и идея отложить момент принятия решения на год — год, наполненный приемами и вечеринками, — показалась ей замечательной. А мистеру Лавери нравилось представлять жену и дочь среди лондонского бомонда, и он был согласен за это заплатить. Тщательно взлелеянных связей миссис Лавери хватило, чтобы Эдит попала в список приглашенных на чаепития к Питеру Таунсенду, а внешность девушки позволила ей

Оглавление

Часть первая. Impetuoso-Fiero	7
Часть вторая. Forte-Piano	141
Часть третья. Dolente-Energico	293
Эпилог. Smorzando	401

Литературно-художественное издание

ДЖУЛИАН ФЕЛЛОУЗ
СНОБЫ

Ответственный редактор Ольга Рейнгеве́рц
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Наталья Хуторная, Лариса Ершова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 25.07.2017. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 6000 экз. Усл. печ. л. 26. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru
В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru
В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru
Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

НАВВ2152801R